

**ПЕТР ИВАНОВИЧ ВЫЖИГИН,
ПРАВООПИСАТЕЛЬНО–ИСТОРИЧЕСКИЙ
РОМАН XIX ВЕКА.**

**СОЧИНЕНИЕ ФАДДЕЯ БУЛГАРИНА
4 части. СПб. 1831 г. в т. А. Плюшара,
in 12, XIII, 265, 277, 288 и 340 стр.
с загл. грав. листком и грав. карт.**

Нам кажется, что писатель, снискавший своими сочинениями *известность* (вопрос о литературной *славе* предоставим потомству), должен дорожить собою более, нежели писатель, едва начинающий свое литературное поприще. Вследствие сего, ожидав новый роман Ф. В. Булгарина с нетерпеливым любопытством и прочитав его с особенным вниманием, мы готовы извинить «Петра Ивановича Выжигина» поспешностью, с какою он был изобретен и сочинен; но ничем не можем извинить сочинителя за этот роман. От дарований Булгарина, уже известных публике, мы имеем право требовать гораздо лучшего.

Что за мысль была ему, спросим прежде всего, распложать потомство Выжигина? Для чего этот *Петр Иванович* долженствовал быть — *Выжигин*? Всего страннее, что лицо *Ивана Выжигина*, отца его, шаловливого *русского Жилблаза*, представляется теперь совершенно в новом, неестественном для него виде. *Иван Выжигин* делается столько же не надобен для *Петра Ивановича*, сколь не нужны слова в заглавии романа: «нравоописательно–исторический». Вообразите, какую роль играет бывший русский *Жилбаз*: он выходит на сцену стариком, богачом, помешавшимся на знатности,

принуждающим сына жениться на дочери князя, гордого бедняка и дурака, теряющим наконец свои миллионы и впадающим при конце романа в жалкую роль, подобную роли добрых отцов в мелодрамах.

Но это не главное. Пусть *Петр Иванович* будет сын *Ивана Выжигина*, пусть в новом романе Булгарина Иван Выжигин будет доказательством, что если богатство ум рождает, то оно же и лишает ума и что годы изменяют характер, так же как *honores mutant mores** Вот основной вопрос: отдал ли сочинитель себе отчет в сущности романа, коего содержание взято из современной истории? Понял ли он предварительно всю трудность сего рода сочинений? Нет и еще раз — *нет!*

86

Он мог писать такой роман или в роде, если можно так сказать, записок о современной истории (*mémoires*), представив ряд лиц и картин, как сделал это Пикар в своем «Жилблазе Революции»; или, глубоко разобрав страсти и нравы своих современников, в подробностях событий исторических развить сии страсти и нравы, поставив в своей картине исполинские образы главных действующих и из сближения дел и людей выводя те черты, которые не всегда сказывается, не всегда и замечает история, в то же время рисуя местность и общий характер событий. Так сделал Сальванди в своем «Дон Алонзо». В обоих случаях лица романа будут частности, исчезающие в общем. Но вы непременно *ими* хотите занять вашего читателя? Согласны; тогда часть современных событий да будет у вас эпизодом: не вмещайте всего их величия,

---

* Почести изменяют нравы (*лат.*).

всего их разнообразия в тот уголок, где теснились во время действительного бытия их вымышленные герои вашего романа, не вставляйте огромных исторических действующих лиц в вашу тесную раму бедного, мелкого мира, где была буря в стакане воды, когда в то же время пламенел горизонт целого государства или государств от пожара, рушившего царства и изменившего судьбы народов! Пусть, как в картине, изображающей для нас частную сцену огромного события, виден будет только отблеск этого пожара. Пример в В. Скоттовом романе «The Heart of Mid-Lothian» («Эдинбургская тюрьма»).

Автор «Петра Ивановича Выжигина» поступил совсем иначе, основав завязку на самом обыкновенном романическом событии, то есть, что богатый отец не соглашается на свадьбу сына своего с бедною, любимой сыном девушкою и заставляет его жениться на нелюбимой невесте знатного рода (в который раз выставляется такая завязка?). Он хотел притом непременно вместить в одно и то же сочинение — и картины нравов, и события исполинского 1812 года, и любовные похождения героев романа, и великие исторические лица! Вышла такая смесь, что читаете и изумляетесь намерению автора! К несчастью, не из глубины сердца человеческого извлек автор черты и для описания своих любовников; он заменил этот неистощимый рудник романизма случайностями старинных испанских романов и запутанною игрою судьбы: его любовник странствует, дерется, ездит беспрестанно, попадает в плен, освобождается, является везде и нигде; его любовницу увозят, перевозят, заставляют путешествовать

всюду; она оказывается, наконец, знатного рода, становится богата, когда отец любовника вдруг обеднел. Сколько машин, сколько натяжек, несообразностей — и для чего? Чтобы *Петр Иванович* женился на *Лизе*!

Всего несообразнее то, что весь 1812 год вмещен в роман, со всеми его ужасами и чудесами (по крайней мере автор старался об этом), и эти чудеса истории перепутаны с мелкими приключениями двух любовников. От сего являются в романе два главные героя: *Наполеон* и *Петр Иванович Выжигин*! Они идут рука об руку, не могут расстаться и заставляют нас дивиться тому, как не усмотрел этой несообразности сочинитель!

Слог автора постоянно исправен и хорош. В изображении нравов и некоторых частных картинах мы также видим прежнего Булгарина. Но *1812 год* вообще изобразил он неверно и по тем понятиям, какие в наше время, когда почти двадцать лет прошло после нашествия Наполеонова, пора оставить. Наполеон, французы, союзники их, пожар Москвы — списаны автором с книжек, какие печатались у нас в 1813 и 1814 годах. Не говорим уже о том, что скажут о нас в Европе, узнав, как глядим мы на великие события 1812 года, но спрашиваем: позволительно ли было автору, хотя бы и увлекаясь патриотизмом, неверно представлять то, что было перед глазами миллионов, и, еще более, переиначивать рассказы других? Неужели это увеличит славу России и сделает роман занимательнее?

Словом, «Петр Иванович Выжигин», по мнению нашему, есть литературный грех почтенного Ф. В. Булгарина, в вознаграждение коего он должен

написать нам опять что–нибудь хорошее. Желаем и надеемся, будучи совершенно уверены, что беспристрастное суждение наше не оскорбит почтенного, уважаемого нами литератора. Пусть он платит нам тою же монетою.